

А. Л. ЧИБИРОВ,

ЦСАИ им. В. И. Абаева, Владикавказ

К 120-летию со дня рождения Ж. Дюмезиля

ПИСЬМА

Я интуитивно почувствовал, какую роль призваны играть осетинские традиции в изучении индоевропейского наследия, деле, которому я собирался посвятить свою жизнь.

Ж. Дюмезиль

Эпистолярный жанр давно уже стал архаикой. Мало кто сегодня, при всем разнообразии всевозможных коммуникаций, утруждает себя традиционным письмом, поэтому любой конверт, пожелтевший от времени, воспринимается нами с легким трепетом, как нечто, сохранившее и пронесшее частичку прошлого сквозь Хронос. Разбирая архив Центра Скифо-Аланских исследований, я наткнулся на стопку писем, аккуратно сложенных в не по размеру большой бумажный пакет, который венчала синяя карандашная надпись: «Dumezil. Письма к В. Абаеву». Вполне естественно, что я сразу же достал их из этого пакета и разложил на своем рабочем столе. Как и полагается письмам, каждое из них было вложено в свой собственный конверт со специальной сине-красной маркировкой по краям – были такие во время СССР, которые пересылались исключительно международной авиапочтой. Адрес на конвертах, написанный уверенной рукой на русском языке, обозначал адресата – профессора Василия Ивановича Абаева, выдающегося ученого-лингвиста XX века. Печатный штамп от отправителя с грифом *College De France, Paris* был подписан Жоржем Дюмезилем (4 марта 1898 – 11 октября 1986 гг.), известным французским мифологом, одним из первых европейских исследователей нартовского эпоса, который к тому же являлся членом Французской Академии наук, почетным доктором и членом многих других академий. Позже о происхождении писем мне поведали сотрудники Центра, которые работали здесь со времен его основания. Как оказалось, В. И. Абаев передал часть своего личного архива, в том числе и эти самые письма, своему ученику, первому руководителю Центра

Скифо-Аланских исследований Виталию Михайловичу Гусалову, скоропостижно скончавшемуся в 2004 году.

Интрига разворачивалась у меня на глазах. Я понял, что соприкоснулся с историей. Дружба этих двух людей, которых без преувеличения можно назвать великими для науки, предстала предо мной в подробной, довольно личной, хотя и односторонней переписке. Двадцать одно письмо, отправителем которых являлся Жорж Дюмезиль, позволили мне окунуться во весь спектр их взаимоотношений, рассмотреть за «портретами на стене», каковыми мы их привыкли воспринимать живых людей со своими эмоциями и собственной картиной мира. Естественно, возник вопрос: есть ли возможность отследить обратные письма, те, которые писал Ж. Дюмезилю В. И. Абаев, сохранились ли они там, в Париже? Я связался с Лорой Джанаевой, нашей дорогой коллегой и соотечественницей, проживающей в Париже, которая общалась в свое время с сыном ученого. Она обещала мне переговорить с его близкими. Согласно информации из Франции, дочери профессора уже 90 лет, она пребывает в доме престарелых, а архив Ж. Дюмезиля передан семьей в *College De France*. Последняя информация от Лоры гласила, что *College De France* с разрешения внука Жоржа Дюмезиля, которого зовут Пьер-Луи Куриан, предоставляет в мое распоряжение более пятидесяти писем В.И. Абаева к Ж. Дюмезилю. Таким образом, у нас есть великолепная возможность отследить весь спектр взаимоотношений этих двух личностей, что станет основой для будущей большой работы.

Специалисту во французском, нашему коллеге Тимуру Чибинову понадобилось много времени для того, чтобы разобраться в мелком, убористом почерке мэтра, понять смысл написанного и, более того, перевести все это на вполне доступный русский язык. Некоторые слова были написаны столь неразборчиво (а возможно и стерлись со временем), что в этом месте переводчику приходилось ставить многоточие. Но смысл, дух каждого слова, каждой строчки при этом был сохранен.

Первое письмо в архиве датируется 28 июня 1957 года, потом следует, судя по всему, довольно интенсивная переписка, продолжающаяся пять лет. Девятнадцатое письмо подписано 4 февраля 1962 г. Затем идет большой временной разрыв в пятнадцать лет. Двадцатое и последнее, двадцать первое письмо обозначены соответственно 13 апреля и 20 декабря 1977 года. Хронология некоторых писем, особенно в ранние периоды их общения, показывает, насколько частым было взаимодействие Ж. Дюмезиля и В.И. Абаева. В то же самое время я допускаю, что, конечно же, это могут быть не все сохранившиеся письма.

Кем они были – мы прекрасно знаем. Два великих ученых, оставивших неизгладимый след в науке и тем самым обессмертивших свои имена. Но кем они были друг для друга? По этим письмам мы можем судить не

только об отношении Ж. Дюмезиля к В. И. Абаеву. Тон письма, стиль, манера дают понять и обратное – отношение В. И. Абаева к своему визави. Крайне уважительное. Отношение Мастера к коллеге, равному себе.

Помимо стиля написания этих писем, который может послужить изысканным образцом эпистолярного жанра, я позволил себе обратить внимание на некоторые основные темы, которые обсуждаются Ж. Дюмезилем в его посланиях В.И. Абаеву. Я постараюсь по тем письмам, которые находятся в наличии, подробнее остановиться на каждом из них. Итак.

Мэтр. Каждое письмо буквально пропитано уважением Ж. Дюмезиля к В. Абаеву. Он обращается к Василию Ивановичу не иначе как к мэтру, называет себя его учеником. Жорж Дюмезиль постоянно сверяет свою позицию с позицией В. И. Абаева. Так, в письме от 27 сентября 1959 г. он пишет: «Спасибо досточтимому коллеге. Я Вас бесконечно благодарю за Ваше приятное письмо и за Ваши две научные статьи. Видеть «властелина пролива» вновь занявшего свое историческое и географическое место, приносит мне радость интеллектуального характера; и то, что Вы говорите о (неразб...), открывает большие перспективы. Это большой шанс для наших исследований, то, что Вы беретесь за решение таких проблем, я вижу, что Вы можете присоединиться». Здесь, скорее всего, речь идет о статье В.И. Абаева «Сармато-Боспорские отношения в отражении нартовских сказаний», изданной в 1958 г. [1], в которой В. И. Абаев сводит образ *Властелина пролива*, как вариант *Глава-рыб-Властель-пролива*, или *Кафтысара*, описываемый в Нартиаде, к Боспорским царям, контролировавшим Керченский (Боспорский) пролив.

19 февраля 1960 года: «Ваше последнее письмо доставило мне удовольствие, хотя немного меня и опечалило: где Вами сказано лучше, в предисловии о древней и современной Осетии? И я в особенности рассчитывал, что Вы, как мэтр, захотите проверить перевод своего ученика, и, несмотря на длинный список вопросов, Вы терпеливо на них ответили... Позвольте мне проконсультроваться с Вами по вопросам, которые вызывают у меня сомнение?». Тот же год, 3 июня. «Я признателен Вам за внимание, которое Вы уделяете моим индо-европейским исследованиям. Они даются мне в результате споров, и в общем благодаря Вашему хорошему отношению». Далее, 16 октября 1960 года. «Мой дорогой коллега и друг. Я Вам искренне признателен за Ваши советы. Ваше выступление (сообщение) на XXV съезде востоковедов меня сильно заинтересовало, и я собираюсь подумать о наших взглядах... ... (*wærgun /voliānus/ævdīw*): нужно постоянно упоминать об этих идеях в исследованиях!»

13 апреля 1977 года. «Мой дражайший коллега и друг. Простите меня за то, что благодарю Вас с таким опозданием. Вы оказали мне большую честь и сильно мне услужили. И это все в самом лучшем виде: выбор текстов,

строгие сообщения, которые Вы добавили, просто превосходны, – и прошу Вас в особенности поблагодарить переводчицу: я не увидел ни единой ошибки, даже малейшего намека на ошибку, в переводе. Вы позволите мне посвятить Вам одно собрание, которое в данный момент находится в печати, под (предварительным) названием «Скифика», и которое будет содержать как новые сочинения, так и старые исправленные работы? Таким образом, оно будет свидетельствовать о нашем общем взаимопонимании и согласии, и я буду иметь удовольствие воздать дань уважения мэтру иранских исследований, кем Вы, собственно говоря, и являетесь...» И, наконец, письмо, датированное 20 декабря 1977 года. «6 января должны появиться здесь у Пайо (издательство. – А. Ч.) «*Romans de Scythie et d'alentour*» («Романы о скифах и народах, их окружавших»), книга, которая освежает старые исследования и содержит новые сведения, и которую я имею радость Вам посвятить».

Убыхи. Еще одна интересная тема, которая прослеживается в письмах, особенно ранних, посвящена убыхам – народу, близкородственному адыгам и абхазам, который до 1864 года жил на Кавказском побережье Черного моря между реками Шахе и Хоста (т.н. Убыхия). В результате Кавказской войны убыхи были либо истреблены, либо переселены в Турцию, где почти полностью были ассимилированы черкесами и турками. Убыхи, численность которых на Кавказе по разным оценкам доходила до 75 тысяч, до последнего пытались сохранить свою независимость от России. Царский генерал, граф М.Т. Лорис-Меликов писал о них: «Воинственное и предприимчивое племя убыхов, обитающее по юго-западному склону Кавказских гор на пространстве между реками Мзымта и Псеуапсе, пользовалось всегда особым значением у прочих соседей своих. У горцев существует и поныне поверье, чтобы быть храбрым, надо пожить и поучиться у убыхов» [2]. В 1864 году Кавказская война закончилась победой царской администрации, усмиренным убыхам предложили переселиться в степь, однако они выбрали эмиграцию в Османскую империю, где постепенно растворились среди местного населения, приняв его язык.

Тема убыхов очень интересна Ж. Дюмезилю. Он ездит в Турцию, встречается с информаторами, готовит книгу под названием «Анатолийские документы о языках и традициях Кавказа», о чем, собственно, сообщает В. И. Абаеву. В самом первом письме в подборке от 28 июня 1957 года говорится: «2-го июля самолетом я возвращаюсь в Турцию, к убыхам, где пробуду две с половиной недели. Пишите мне всегда в Париж: письма мне будут переданы. Надеюсь, Вы получили мои «Сказки и легенды убыхов», где я опубликовал тексты, собранные в 1955 г. в Анатолии». «Мой дорогой коллега, – пишет он в письме от 11 октября 1957 г. – Только сейчас по возвращении из Анатолии, где я пробыл три месяца у убыхов и

бесленеевцев (бесленеевцы – адыгское (черкесское) племя. – А.Ч.), я отвечаю на Ваше приятное письмо от 25 августа».

1 декабря 1957 года. «Вот уже месяц как я вернулся в Париж, и в течение этого времени очень занят упорядочиванием новых убыхских текстов, которые я записал, и которые без сомнения опубликую в *Anthropos* (*Anthropos* – международный журнал антропологии и лингвистики, основанный в 1906 году Вильгельмом Шмидтом. Издается в Германии. – А.Ч.). Я бы очень хотел их опубликовать в СССР, поскольку в них речь идет о языке и народе, который, если бы не злополучная эмиграция 1864 года, был бы на Кавказе. Возможно ли это?» 10 мая 1958 г. «23 мая я буду у своих дорогих убыхов и надеюсь в июле поработать в деревнях бесленегов. Буду счастлив держать Вас в курсе результатов этих исследований».

11 августа 1959 г. «Вчера вечером я вернулся из Турции, после двух месяцев, проведенных у убыхов и бесленеевцев. ... Мой лучший убыхский информант позавчера вылетел из Стамбула в Осло: в университет Осло по просьбе (запросу) Ганса Фогта¹, который его пригласил на два месяца! Его речь будет тщательно изучена Фогтом и акустиком (специалистами по звуку). Я этому очень рад». 20 октября 1959 г.: «Мой дорогой коллега. Завтра утром я еду в Стамбул, Анкару, – и к бесленеевцам в вилайет Сарум (административно-территориальная единица в Турции). Я вернусь в начале декабря, чтобы принять участие в конференциях в *College de France*». 18 ноября 1959 г. «Мой дорогой коллега. Я заканчиваю этот день на конференции, об участии на которой меня попросил университет Анкары, где рассматривался ряд кавказских языков «N.O.». Естественно, я провел с пользой свое пребывание, продвинувшись в своем бесленеевском... Надеюсь, что в следующем году смогу опубликовать первый том серии, который будет называться в память о CV. Mat et du CV. Сбег *«Анатолийские документы о языках и традициях Кавказа»*. Здесь представлен чрезвычайно богатый материал».

С особым восхищением Ж. Дюмезиль пишет о своих убыхских друзьях. И так. 9 мая 1960 г. «Я в Париже до конца мая: после еще раз окажусь между убыхами и бесленеевцами Анатолии. Сегодня вечером или завтра состоится грандиозное событие: я ожидаю здесь в течение трех недель моего лучшего убыхского информанта Тевфика Эсенча (Tevfik Esenç)²; в *College de France* очень хотели выделить мне сумму для этой поездки; мы

¹ Ганс Фогт (1 июня 1903 – 25 сентября 1986) – Норвежский языковед, специалист по кавказским, баскскому языкам, общему языкознанию.

² Тевфик Эсенч (тур. Tevfik Esenç; 1904, село Хаджи-Осман, Османская империя – 7 октября 1992) – последний носитель убыхского языка. Был информантом Жоржа Дюмезиля, Г. Г. Фогта и М. А. Кумахова по убыхскому языку. Художественный прототип главного героя романа Баграта Шинкубы «Последний из ушедших».

собираемся изучить в особенности то, что я не могу сделать в Институте Фонетики в Анатолии». 3 июня 1960 г. «Мой дорогой коллега. Я получил Ваше письмо вчера, а завтра я отправляюсь в Убыхстан, куда мой дорогой Тевфик уже вернулся».

7 июня 1960 г. «Через неделю я отправляюсь в одну из убыхских деревень, где я уже работал тридцать лет назад, и где проживает 90-летний носитель убыхского языка, говорящий на трех языках: абхазском, убыхском и абазинском. Все остальные уже умерли, а он еще в своем уме. Какие захватывающие исследования! Я дал согласие на публикацию первого тома серии *«Анатолийские материалы по языкам и традициям Кавказа»*: директор нашего института, археолог Луи Робер, отвезет его в Париж вместе с данным письмом». 20 ноября 1961 г. «Моя работа была очень плодотворна в этом году. С помощью билингов и трилингов я записал около 150 страниц текстов ... в оригинале на одном из трех языков (абхазском, убыхском, западно-черкесском) и в переводе на два других. Думаю, это будет полезно для освоенной грамматики: эквиваленты можно обнаружить повсюду, они образуются спонтанно в сознании многоязычных людей. Но нужно поспешить с этим: двое из четверых трилингов, которых я смог найти еще в 1960 и 1961 годах, недавно скончались, как и два моих убыхских информанта. В 1961 году я опубликую второе собрание *«Анатолийских документов о языках и культурах Кавказа»*, которые будут содержать 24 убыхских текста». В письме от 11 декабря 1960 г. Ж. Дюмезиль с сожалением констатирует: «По возвращении из своего второго путешествия по Анатолии (неразб...) я смог поработать с двумя билингвами, владеющими убыхским и абхазским языками, думаю, они последние оставшиеся (в живых)».

4 июня 1961 г. «Я буду заниматься публикацией большого собрания оставшихся убыхских рассказов и подготовкой к моей осенней поездке (сент. – окт. – нояб.) к убыхам и бесленеевцам... Карл Бауда приехал в Париж несколько недель назад. Я почти склонил его к совместной поездке к убыхам в 1962. В этом году я буду там вместе с Гансом Фогтом, которого я ввел в курс дела в 1958 и с которым эта книга (точное фонетическое описание, лексика, тексты) будет опубликована в следующем году». Последнее упоминание об убыхах в имеющихся у меня письмах встречается в письме от 13 апреля 1977 г. Ж. Дюмезиль пишет, что вместе с Ж. Шарашидзе ждет приезда своего информатора Тевфика Эсенча в Париж. «Удивительно, как ему удастся вести подвижный образ жизни, он заявляет, что сейчас ему 72 года, но я полагаю, ему больше», – пишет он в письме.

Стремление посетить Кавказ. Работая с убыхами, Ж. Дюмезиль надеялся посетить СССР, в частности Кавказ, для того чтобы более полно

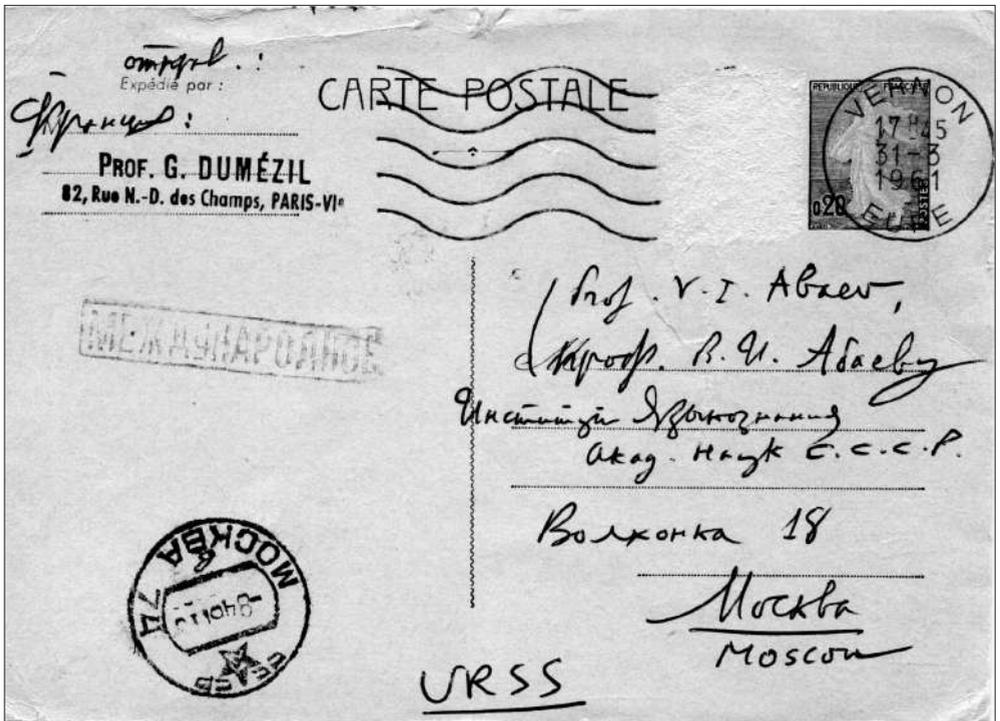
прочувствовать этот народ, в силу множества причин покинувший свою Родину. Судя по всему, содействие в такой поездке собирался оказать ему В. И. Абаев. В письме от 28 июня 1957 г. Ж. Дюмезиль пишет: «Если было бы возможным отложить поездку на Кавказ до весны 1958 года, я был бы счастлив, так как, не имея вестей от Вас с февраля, у меня появились другие планы на осень. Однако если эта отсрочка не представляется возможной, то предлагаю Вам следующий срок: 15 октября – 10 ноября. Но мне следовало бы получить информацию, и подтвердить в ближайшее время. – И я Вас спрашивал уже, может ли моя жена сопровождать меня (я почти не путешествую без нее), и сколько следует выделить денег на наши расходы. Наш университетский бюджет не такой уж большой».

11 октября 1957 г. Это письмо я привожу практически полностью. Оно проникнуто духом предстоящей поездки, которая, к сожалению так и не состоялась. Благодаря содействию наших французских коллег у нас уже есть возможность прояснить причины несостоявшейся командировки. «Мой дорогой коллега. Только сейчас, по возвращении из Анатолии, где я пробыл три месяца у убыхов и бесленеевцев, я отвечаю на Ваше милое письмо от 25/VIII. Все, что оно содержит, доставляет мне большое удовольствие. Моя жена и я благодарим Вас за Ваши щедрые намерения: у нас настоящая ностальгия по Кавказу! И меня радует мысль личного с Вами знакомства (так как я уже так долго восхищаюсь работами и исследовательскими группами, которыми Вы руководите). – Советская лингвистика и фольклор в настоящее время опережают порядок исследований, и я бы многому научился из Ваших методов. (Вы мне говорите, что осень лучшее время года, лучше, чем весна. Хотите ли Вы, чтобы мы утвердили на осень, а не на весну 1958 года эту поездку? Очевидно, нужно организовать ее при наилучших условиях). Мне бы хотелось только знать, чем раньше, тем лучше, принимает ли Ваше предложение Академия. Я буду планировать свою работу на будущий год в соответствии с нашей (с Вами) совместной поездкой на Кавказ. Когда, Вы думаете, официальное предложение может быть отправлено? Я Вас благодарю также за удивительную перспективу, которую Вы открываете моим исследованиям. Прошу Вас принять мои преданные дружеские чувства. Жорж Дюмезиль».

1 декабря того же 1957 года. Надежда на то, чтобы посетить Москву, все еще сохраняется. Ж. Дюмезиль пишет: «Ваше письмо мне доставило очень большое удовольствие. Поездка, которую Вы хотите организовать, кажется мне многообещающей и сулит значительные интеллектуальные выгоды: контакт с Кавказом и кавказцами представляется мне незаменимым, а также предстоящие беседы с Вами и советскими лингвистами и фольклористами, которые проделывают такую хорошую работу. Кажется, что мировая ситуация движется в направлении истинного

В. И. Абаев

Т. Эсенч

Ж. Дюмезиль

COLLÈGE

DE

FRANCE

—
CHAIRE

DE CIVILISATION INDO-EUROPÉENNE

Paris, le

20/10/59

82 rue N.-D.-des-Champs
Paris, 6^e

Mon cher collègue,

Demain matin, je pars
pour Istanbul, Ankara, — et
le "Besleyistan" du vilayet
de Çorum. Je rentrerai au
début de décembre, pour mes
conférences du Collège de France.

Si vous avez la com-
plaisance de répondre à la liste
de questions omises que je vous ai
posées, ou si des folkloristes
tcherkésiens ont bien voulu
s'occuper pour moi des versions
qui me sont indispensables de
la légende d'Aïgenyptan,

De vos prieres d'après, mon cher collègue, et
 mes sentiments reconnaissants et tendres, et
 l'expression de ma profond admiration pour
 une œuvre déjà si remarquable.

Les résultats seront les
 bienvenus soit adressés à
 Mr femme (mon adresse),
 soit à mon gendre :

[Prof. H. Curzien
 Institut de Cristallographie de la Faculté
 des Sciences,
 24 rue des Fossés - St-Jacques
 Paris, 5e]

Dès mon retour, je me
 mettrai en relation avec
 mon T. X. Tarkapob,
 dont j'ai aimerais avoir
 l'adresse. Les traits du Caucase,
 phonétiques, de nos villages, bien
 isolés, sont différents de ce que
 dit Arkobob dans son article sur
Caucasie, et de quelques indications
 que j'ai trouvés dans le Tyranisme
Kab.-repc. univ. 320122 de 1917,
 13-23.

COLLÈGE
DE
FRANCE

Paris, le 20 décembre 1977

Ma chère ami,

Votre lettre me touche beaucoup.
Tout le mérite du succès de ce livre tient
à votre ferme volonté, à votre direction, et
à la belle réalisation de la traduction
(à qui j'adresserai l'expression de ma gratitude, ainsi
qu'à vous-même, dès que j'aurai reçu
le paquet que vous m'annoncez).

Le 6 janvier doit paraître ici,
chez Payot, "Romans scythiques et Palantoum",
qui rassemble des études anciennes et en contient
de nouvelles, — et que j'ai eu le joie
de vous dédier.

Vous devez à peu près rien. Je
travaille en ce moment à une nouvelle
série de "Questions Romaines". Les fondées
auxquelles les archéologues italiens procèdent

depuis dix ans donnant une nouvelle figure
aux origines (matérielles !) de Rome : le
site a été continuellement occupé depuis le
milieu du second millénaire. Le décompte
de peu de cinquante stipes ^{à Lavinium}, dont quelques uns
de IV siècle ou même plus anciens, va valoir-
il renouveler nos idées sur cette métropole de Rome.
Mais il n'y a l'expression que rien d'
important qui a été modifié sur les éléments
indo-européens de ces stipes.

En tout synergie. Me fiant de
façon à ne pas vous dire, ainsi qu'à
Monsieur Abner, nos vœux les affectueux
du 15/28. Et, à nous-même et à
tout le monde savaient, nous souhaitons que
ce soit l'année de Clodius II !

Quintilien

Vernon, 31-3-61

Mon bien cher collègue,

* vos réunions - un ami l'article sur la Roue, voulez-vous une élimination à l'heure après le 10/4? Je serai absent jusqu'à...

Pourriez-vous me dire ce que vous pensez de l'étymologie de Pepper? Je ne vois rien à ce sujet dans vos publications. Et tout ce qui concerne les (possibles) organisations de "unions" m'intéresse...

Et si vous renouelle ma demande si vous pouvez donner à notre Review de l'histoire de Religion une mise au point sur les 3 variantes de Narts, si la traduction volontiers, et ce sera bien précieux.

En toute cordialité

Georges Dumézil

мира, основанного на искреннем взаимопонимании между народами. Поездки и научное сотрудничество, как то, в которое мы вовлечены, способны облегчить этот необходимый эволюционный процесс. Вы имеете в виду отделы Академии, которые уже одобрили этот проект, моя признательность (благодарность) нашим коллегам, радость, с которой я встречаю их? (Позволю себе еще попросить Вас точно проинформировать меня, если это возможно, в начале января, чтобы я смог спланировать свою работу и поездки на год)».

Однако Провидению было угодно, чтобы поездка господина Дюмезиля не состоялась. Дальнейшие письма более не упоминают о планах посетить СССР, несмотря на то, что мировая ситуация, по мнению Ж. Дюмезиля, «движется в направлении истинного мира». Разочарование политиками той эпохи, строящими между народами стены вместо мостов, прослеживается и в письме от 20 ноября 1960 г. «Знаете ли Вы, что Тевфик Эсенч, мой убыхский информант, мечтает совершить путешествие на землю своих предков? К сожалению, это почти не осуществимо в условиях современного мира: турки не спустили бы ему с рук нахождение в СССР. Но возможно немного позже? В конце концов, Ваша Академия рассмотрела бы возможность приглашения этого превосходного информанта, носителя почти утраченного языка? Это было бы историческим событием, только вот политику вряд ли заботит история подобного рода». Как послесловие к данной теме могу добавить следующее. Ж. Дюмезиль свою итоговую работу по убыхскому языку «*Le verbe oubykh*» (1975) написал в соавторстве с Тевфиком Эсенчем. Тевфик Эсенч все же успел посетить Родину, но уже после развала СССР. В 1990 г. его с большими почестями встречали в Нальчике. Тевфик Эсенч скончался 7 октября 1992 г. Надпись же на могильной плите Эсенча гласит: «Здесь лежит Тевфик Эсенч, последний человек, знавший язык убыхов».

Черкесы. Помимо прочего, в область интересов Ж. Дюмезиля входят кабардинцы, черкесы в контексте его увлечения бесленеевцами. Так, в письме от 11 августа 1959 г. он пишет: «Бесленеевский диалект, который я изучал в одной деревне к северо-востоку от Анкары, по существу, начало того, что находит отражение в фонетической части Грамматики кабард.-черк. литерат. языка 1957. Я вернусь оттуда этой осенью в октябре-ноябре, после раздумий над своими записями. Этот бесленеевский диалект должен быть чистым (правильным), так как по соседству с ним нет *qaberdey* (кабардинцев). Если Вашим черкесским коллегам интересны сведения по конкретным вопросам подобного рода, то я к вашим услугам. Могу ли я у Вас попросить небольшой библиографический список о черкесском герое

А(й)емиркане? Я собрал по этому герою очень детальный материал, но библиография в ССКТ, II/г, ..., л. – Смоленск, XXV/з, р. 41-48, упоминается в убыхской версии (или, скорее, в черкесской на убыхском), которую я опубликовал в «Сказках и легендах убыхов», и песнь, опубликованная, Kuba Šabare в Adəge sveredəzxe (стр. 30-32). Известны ли Вам другие тексты или исследования по этим традициям?».

Здесь Ж. Дюмезиль имеет в виду героя кабардинских песен Айдемиркана из популярного у всех адыгов цикла «Сказаний о Айдемиркане». И, судя по следующему письму, В.И. Абаев ему эту информацию предоставил. 27 сентября 1959 г.: «Также благодарю Вас за предоставленную мне библиографию Айдемиркана. К сожалению, ни одной из этих публикаций нет в Париже. Можно ли получить, в обмен на то, что хотят запросить у меня, по крайней мере, один экземпляр Кабард. эпической поэзии (56) 4. Из Кабард. народной лирики (58)? Если это невозможно, то не мог бы какой-нибудь молодой фольклорист потратить несколько часов на подготовку краткой схематической информации по этим позднейшим вариантам в «Сб. Материаловъ» и охарактеризовать их относительно вариантов из этого сборника? Я бы охотно выслал ему книги, которые бы он пожелал (аналогичным образом фольклорные архивы Нальчика могли бы отправить мне краткие анализы рукописных вариантов...). Полагаю, как я Вам уже говорил, я намерен вновь отправиться в Турцию на шесть недель, ближе к 15 или 18 октября». 20 октября 1959 г.: «Если Вы будете так любезны и ответите на мой список осетинских вопросов, или же если (есть) черкесские фольклористы, которые согласились заняться недоступными для меня версиями легенды об Айдемиркане, результаты можно присылать, как на адрес моей жены, так и на имя моего зятя. После своего возвращения я буду взаимодействовать с господином Б.Х. Балкаровым, адрес которого мне бы хотелось иметь. Фонетические особенности бесленеевского диалекта моих деревень, которые достаточно изолированы, отличаются от того, что Яковлев говорит в своей статье Caucasia, и от нескольких данных, которые я нахожу в Грамматике каб.-черк. литер. языка 1957, с. 13-23».

19 февраля 1960 г.: «Могу ли я спросить Ваше мнение по поводу странного «Хурат-хурон» (букв. сотоварищ солнца) Г. Гатиева, ССКГ. IX, 3, р. 58. Фил. Религ. Объяснения В.Ф. Миллера Ог. Эт. II, стр. 267, н.*? Существуют ли другие сведения по этому духу «Огня» и его культуре? Направляю Вам, с Из кабард. нар. лирики, которая была мне очень полезна, несколько специальных выпусков издания (оттисков) и немецкий перевод одного переработанного текста моего Локи, в конце концов опубликованный».

В небольшой почтовой открытке от 31 марта 1961 г., выделяющейся из общей подборки писем, говорится: «Мой дорогой коллега. Не могли бы

Вы мне сказать, что Вы думаете об этимологии осетинского слова лæппу. В Ваших публикациях я не нахожу ничего по этому вопросу. Меня интересует все, что относится к (возможным) «молодежным» организациям». 4 июня 1961 г. «Спасибо за Вашу консультацию в отношении слова лæрри, – которое я должен был сам найти в Ваших трудах». 20 ноября 1961 г. «Могли ли я попросить Вас? Мне не удастся здесь раздобыть! 1) Вопросы изучения иверийско-кавказских языков, которые, как меня заверяет Фогт, являются очень важными для языков N.O. 2) не удастся достать и Народы Кавказа I, 611 стр. Не могли бы Вы добиться того, чтобы мне их отправили? (Но зато мне удалось раздобыть новый русско-чеченский словарь). С чувством большой симпатии и восхищения Ж. Дюмезиль».

Нарты. Начиная практически с самого первого письма, датированного 28 июня 1957 г., Ж. Дюмезиль упоминает о Нартах и Нартовском эпосе. «Мой дорогой коллега, – пишет он. – Я получил юго-осетинский вариант «Нарты», за что горячо Вас благодарю. К сожалению, у меня нет «Памятники» (вероятно: нет книги) с текстами на осетинском языке». Ученые живо обсуждают Нартиаду, рассматривая ее во всех аспектах, о чем говорят следующие строки из письма от 10 мая 1958 г.: «Большое Вам спасибо за три книги, которые я уже получил: у меня не было ни одной из этих трех. Исследование господина Е.М. Мелетинского¹ представляется мне очень интересным: сам я долго исправлял моё предыдущее предложение «солнечного Бога» в сезонном (циклическом) герое Созырыко. Я убежден, что в данном случае мы можем говорить о герое цивилизаторе (просветителе). Но я с удовольствием наблюдал за существенными сходствами, которые мы обнаружили. Я Вам даже сегодня отправлю *Mitra-Varuna*, Рождение Архангелов, Боги индо-европейцев».

11 августа 1959 г. «И я нахожу ценные ответы, которые Вы дали на мои вопросы по осетинскому языку и по текстам из нартовского эпоса. Я очень благодарен Вам и извлеку большую пользу из перевода, который собираюсь начать». «Могли ли я просить Вас ответить еще и на следующие вопросы, которые возникли у меня при переводе Нарты Кадджытæ? Мне стыдно взваливать на Вас эту работу, но Ваша благосклонность велика. Если же Вы не сможете ответить мне до 15 октября, то не могли бы Вы отправить письмо, как и предыдущие, на имя моего зятя», – пишет он далее в

---

¹ Е. М. Мелетинский (22 октября 1918, Харьков – 16 декабря 2005, Москва) – советский и российский филолог, историк культуры, доктор филологических наук, профессор. Основатель исследовательской школы теоретической фольклористики. Непосредственный участник создания энциклопедических изданий «Мифы народов мира» и «Мифологический словарь».

письме от 27 сентября 1959 г. Тогда же, 18 ноября 1959 г. «В начале декабря я вернусь в Париж. Позвольте мне настоятельно попросить Вас присоединиться ко мне – слишком уж много сложностей, о которых я Вам ... в Нарты Кадджытæ: Здесь до своей поездки я почти закончил перевод, и было бы полезно предать ему определенную форму по возвращении. Полагаю, я уже давал Вам адрес своего зятя».

19 февраля 1960 г.: «Наконец, с помощью Ваших советов, я собираюсь завершить этот сборник переводом *Ацамаз ама Агуында расугъд*». 9 мая 1960 г. «Могу я с Вами проконсультроваться по нескольким вопросам из Нарты Кадджытæ, или я стесняю Вас своей просьбой?». Здесь же впервые упоминается его книга «Локи», которой я коснусь ниже: «Я надеюсь, что Вы уже получили немецкое издание Локи, где проведено несколько улучшений (по крайней мере, изменений) в интерпретации (толковании)». 7 июня 1960 г.: «Прежде чем покинуть Париж, я вновь передал свою рукопись в ЮНЕСКО (неразб... ..) моего перевода Нарты кадджытæ, улучшен благодаря Вашим ценным ответам».

Письмо от 23 марта 1961 г. практически полностью посвящено нартам. Помимо интерпретаций различных образов из Нартиады, Ж. Дюмезиль обсуждает с В. И. Абаевым также свои взаимоотношения с другими осетинскими учеными: «Мой дорогой коллега и друг. Спасибо за Ваше любезное письмо и за тему моих «трех сокровищ» (Скорее всего здесь подразумевается та самая трехфункциональная теория Ж. Дюмезиля. – А. Ч.). Не могли бы Вы, с помощью многочисленных альтернативных вариантов, которыми Вы располагаете, внести ясность в вопрос, публикуемый нами в журнале История религий? Это было бы очень ценно. В отношении Батрадза, я поддерживаю толкование ... натуралистическое и социальное: как Индра и т.д., он ... стремительный и воинственный (тип индийского Ваю, (неразб ..., ...) чем Индра); он мне напоминает многочисленные эпизоды из Нарты Кадджытæ ... его персонаж «молния» (все его исходы с неба на землю, ...). – В отношении Созырыко нужно, напротив, внести ясность. Мне кажется, что остается солнечным только колесо, но персонаж Созырыко мне сейчас представляется другим, как Вы могли видеть в немецком издании Локи. Но я вовсе не считаю его «культурным героем»: аргументы Е. М. Мелетинского в актах ... Орджоникидзе 1986 г., легко отвергнуть, пункт за пунктом. Мне сообщили о статье Б.А. Алборова, «Цирых» осетинских нартских сказаний, ... Изв. Северо-Осет. научно-исслед. институт. XXII/1, Ордж. 1960, с. 103-120. У нас нет этой публикации в Париже. Не могли бы Вы достать один экземпляр для меня. С другой стороны, Гагкаев в ноябре 1960 г. мне объявил о предстоящей публикации рецензии с опровержением моего немецкого Локи [т.е. в переводе на немецкий 1959 г.]. Она появилась? И не мог бы я с ней ознакомиться?».

Здесь я позволю себе некоторые уточнения. В данном случае Ж. Дюмезиль ведет речь о своей книге «Локи», изданной в 1948 г. и посвященной образу трикстера¹ в индоевропейской традиции. В своей работе Ж. Дюмезиль проводит параллели между скандинавским богом Локи и одним из основных персонажей Нартиады Сырдоном. Конечно, не все были согласны с подобными параллелями ученого. Против его концепции выступил К. Е. Гагкаев, упомянутый в тексте, но прежде чем я приведу еще одну цитату из писем, мне хотелось бы вкратце представить вам Константина Егоровича Гагкаева Константин (Казан) Егорович (1912–1986 гг.) был одним из крупнейших осетиноведов, лингвистов-теоретиков, доктором филологии, профессором. Особое место в исследованиях Гагкаева занимало исследование языка нартовских сказаний. В рецензии на «Книгу о героях» Ж. Дюмезиля, изданную на французском языке в Париже в 1965 г., К. Е. Гагкаев указал на важность того, что перевод нартовских сказаний был сделан непосредственно с осетинского оригинала (1946)., и отметил, что Ж. Дюмезиль продемонстрировал превосходное знание осетинского языка, глубокое проникновение в эпический контекст и нартовскую героиню. К. Е. Гагкаев обратил внимание на то, что автор старался передать в книге даже идиоматические обороты, меткие выражения, традиционные эпические повторы и т. д. По его мнению, в обширном предисловии к книге Ж. Дюмезиль проявил прекрасное знание историографии нартовского эпоса. К. Е. Гагкаев подчеркнул важность выводов Ж. Дюмезиля о скифо-аланском происхождении нартовского эпоса и заимствовании его соседними народами именно у осетин.

Итак, в письме от 11 декабря 1960 г. Ж. Дюмезиль пишет В. И. Абаеву: «Я получил письмо из Орджоникидзе, написанное господином К. Е. Гагкаевым, где он мне говорит: «откровенно, что мне лично не нравится ваше сравнение образа Сырдона с героем скандинавского эпоса Локи»; он высказывается с критикой в отношении напечатанного мною в начале года... Посмотрим! Я направляю вам тем же... в двух экземплярах (один для Э. А. Грантовского²),

---

¹Прим. 1. Трикстер (англ. *trickster* – обманщик, ловкач) – архетип в мифологии, фольклоре и религии – «демоническо-комический дублёр культурного героя, наделённый чертами плута, озорника» [1] – божество, дух, человек или антропоморфное животное, совершающее противоправные действия или, во всяком случае, не подчиняющееся общим правилам поведения. В художественных произведениях трикстеры часто выступают в роли антигероев.

²Э. А. Грантовский (16 февраля 1932, Москва, СССР – 28 июня 1995, Москва, Россия) – советский иранист и скифолог, специализировался на истории древних иранских племен (особенно Мидии, персов и скифов) и их цивилизации.

небольшое сочинение о легенде скифского происхождения у Геродота, которое недавно вышло в RHR, возможно эта легенда сохранилась в Нарты Кадджытæ и в индийской переписке (индийских источниках). Я надеюсь, что Вы мне скажете свое мнение, которое будет для меня весьма ценным».

31 марта 1961 г. «И я вновь хочу Вас попросить предоставить нашему журналу «Истории религий» материал по вопросу трех (родов) Нартов, я займусь переводом этого материала охотно, и это будет очень ценно». 4 июня 1961 г. «Вышлите мне Вашу статью о Нартах и гомеровском эпосе: после того, как она будет переведена, я ее отдам либо в "La Revue de l'histoire des religions (RHR)", либо в "Revue des études grecques"».

4 февраля 1962 г. «Мой дорогой коллега и друг. Едва я получил Народы Кавказа I и ობ.-ჯვჯვ. ჯბსობრჯვბობრჯბდ XV (груз. Иб.-Кавк. языковедение), как ко мне приходит замечательный сборник *Ирон Адамы Сфалдыстад* (Здесь идет речь о двухтомнике *Ирон адамы сфалдыстад*, изданном в 1960 г. под редакцией Зои Салагаевой). Я был тронут Вашей добротой, и сразу же набросился на 390-страничное собрание нартовских сказаний. Полагаю, не все мне будет понятно (дигорские варианты представляются мне очень запутанными), но я уже прочел рассказы (сказания) 1, 2, 4, 5 («ос. эт.»), 5, 8. В 4-ом я заметил, что ответственность (роль) Сатаны в смерти Елды была очевидней, чем в более ранних вариантах (Пфаф, Нарты Кадджытæ); до сих пор только в Н. Кадж. я встречал упоминания о Елде как о дочери Алаэгатæ. Вчера в *College de France* я имел удовольствие представить слушателю эти два драгоценных тома. Благодарю Вас от всего сердца. Надеюсь, что в скором времени мне представится возможность отправить Вам, в свою очередь, мои работы. Но, не дожидаясь моей посылки, скажите мне, есть ли во Франции книга, которую Вы бы хотели получить. Я отправлю ее Вам, это доставит мне удовольствие. С чувством большой симпатии и восхищения Ж. Дюмезиль».

Есть в письмах и упоминание о скифах. «Стамбул (через Париж), 7 июня 1960 г. Я был очень заинтересован сообщением о *Колаксаисе* и т.д., как представителе трех функциональных классов. Это – идея, которую я предложил в 1930 г. в *Journal Asiatique*; в 1938 г., также в JA (= *Journal Asiatique*), ее критиковал Бенвенист¹; в 1941 г., в книге "*Jupiter, Mars, Quirinus*", я ее отстаивал, защищаясь от критики Бенвениста. а затем я менял мнение, вернулся к γένοϛ в его общепринятом смысле в *l'Idéologie...* Я с любопытством ожидаю аргументы Вашего молодого коллеги и, естественно, полностью готов вернуться к своему первоначальному мнению». Очень сложно понять из контекста письма, о каком молодом коллеге идет речь. Париж, 16 октября 1960 г. «Спасибо также за сообщение

¹ Э. Бенвенист (29 мая 1902 г. – 3 октября 1976 г.) – французский лингвист, один из выдающихся лингвистов XX века.

Э.А. Грантовского, полученное вчера. Оно имеет важное значение. Также я собираюсь пересмотреть свои взгляды. Комментарий к *Colaxes-Auches d Valerius Flaccus* (V 5 6)¹ и комментарий к *Toxaris*,² (неразб...), наводят на размышления. В данный момент одна моя статья по этой неисчерпаемой теме готовится к публикации в журнале «История религий»; как только она будет напечатана, я буду счастлив узнать Ваше мнение».

Личные взаимоотношения. Известно, по крайней мере, об одной встрече Василия Ивановича Абаева с Жоржем Дюмезилем. Она описана в книге Т. Салбиева «Триптих». «Как-то раз Дмитрий Сергеевич Раевский, задержавшись после занятия, завел с Василием Ивановичем разговор о Жорже Дюмезиле. Тогда из Парижа пришло известие, что крупнейший французский мифолог и религиовед перенес инсульт и находится на больничной койке. При этом, как рассказывал Дмитрий Сергеевич, он нисколько не теряет присутствия духа, но напротив, пытается вернуться к активной жизни, насколько это возможно в его новом состоянии. На это Василий Иванович, высказав надежду на скорейшее выздоровление Жоржа Дюмезиля, рассказал историю своего пребывания в Париже, который он посетил в 70-е годы по приглашению своего коллеги. Он прочел лекцию, если не ошибаюсь, в *College de France*, и у него было достаточно свободного времени, чтобы осмотреть город. Как-то раз ему в гостиничный номер позвонил один из учеников Дюмезиля и спросил, как бы он отнесся к конной прогулке. «Я ему на это ответил, – продолжал Василий Иванович, – что ничего не имею против!» Так они оказались в Булонском лесу, где желающим напрокат предоставляли лошадей. К ним вышел хозяин конюшни и, когда Василий Иванович сел верхом, стал восторженно повторять: «Казак! Казак!» Дело в том, что у каждого из народов Кавказа существует своя особая манера посадки верхом. Есть она, в том числе и у осетин» [3]. В этом отрывке, в контексте имеющихся у нас писем, нас заинтересовало следующее. Известно, что Василий Иванович прочитал в *College de France* лекцию под названием «*Osse «Dawæg\ldawæg»*». Эта работа опубликована в первом томе его «Избранных трудов», изданных в 1990 г. Дело в том, что, судя по всему, Ж. Дюмезиль обсуждал с ним этот термин. Так, в письме от 19 февраля 1960 г. он пишет: «Вся Ваша работа оказывает здесь самый большой и полезный эффект. Бенвенист продолжает работать над осетинским. Один из моих двух курсов, которые я возобновил в *College de France*, посвящён Северному Кавказу, и в особенности мифическим представлениям осетин. Вы, конечно же, правы в отношении этимологии

¹Здесь, скорее всего, речь идет об «Аргонавтике» Валерия Флакка (Gaius Valerius Flaccus).

² Речь идет о «Скифских новеллах» Лукиана Самосатского «Токарсис или дружба».

(i) *dauæg*, которое Вы связываете с *vi-tāva-ka (я с нетерпением жду, когда смогу прочесть статью, которую Вы хотели предоставить *Hommages*, и которую просят у меня бельгийцы)»).

Позже, уже 11 декабря того же года этот термин вновь присутствует в переписке: «По возвращении из своего второго путешествия по Анатолии я нашел предложения, которые были подготовлены для меня бельгийскими друзьями, теми, кому Вы хотели поспособствовать. Благодарю Вас от всего сердца за дружеский жест. Вы совершенствуете Ваше толкование по (i)*dauæg* новым изобилием, которое при рассмотрении лучше тех, что я предлагал (и сожалею о предложенном мной ранее): я полагаю, что Вы отправили мою статью о *Mélanges Lommel*, где мне ... еще о Вашем Этимологическом словаре, я тоже склоняюсь к *vi-tāvaka*».

В письмах также упоминается некая «наша книга», хотя известно, что Ж. Дюмезиль и В. И. Абаев никогда не писали совместной работы. 13 апреля 1977 г. «Я представил нашу книгу в Академию Надписей и Изящной Словесности, передав также второй экземпляр в Библиотеку *College de France*, а третий оставил себе. Если возможно мне получить еще два или три экземпляра, то я смогу пополнить Национальную Библиотеку, фонды Азиатского общества и Высшей педагогической школы, где немало учеников занялись изучением русского языка». Вполне возможно, что Ж. Дюмезиль говорит о своей книге «Осетинский эпос и мифология», вышедшей годом ранее, в 1976 г. Предисловие к ней написал В.И. Абаев, так что она действительно может считаться «нашей книгой». Еще одно упоминание об этой работе мы находим чуть позже, в письме от 20 декабря 1977 г. «Мой дорогой друг, Ваше письмо меня очень трогает. Все в этой книге достойно успеха, это благодаря Вашему твердому намерению, вашему руководству и прекрасной работе переводчицы (которой я отправлю один подписанный экземпляр, а также и Вам, как только я получу пакет, который Вы мне отправите)». Помимо прочего, в этих письмах есть нечто, что носит более личный характер, нежели рядовой обмен мнениями по неким вопросам научного характера. Дело в том, что Ж. Дюмезиль сетует на состояние своего здоровья, делится самочувствием с В. И. Абаевым.

Тогда же, 19 февраля 1960 г. он пишет: «я должен Вам объяснить свое молчание, что может Вам показаться лишь постыдной неблагодарностью с моей стороны: я был в Турции с конца октября, когда 25 ноября мне пришлось слечь с отеком легких, я не шел на поправку, мне становилось даже хуже. 15 декабря я срочно вылетел в Париж, но до конца января я был прикован к постели. Я не могу пока много работать. Так что простите меня, пожалуйста, если это возможно». 4 июня 1961 г. «Мой дорогой коллега. Простите, что отвечаю вам с таким опозданием: я болел (последствия

кишечной инфекции, приобретенной два года назад у бесленеевцев в Турции) в течение всего августа месяца». Судя по всему, подобные «отчеты о состоянии здоровья» писал и В. И. Абаев. 16 октября 1960 г. Ж. Дюмезиль пишет: «Надеюсь, что у Вас больше нет проблем со здоровьем, и что Вы вновь возглавите блестящие команды, которые обязаны Вам так многим».

Планы. Известно, что большая часть работ Ж. Дюмезиля так и не была переведена на русский язык, поэтому те строчки в письмах, которые говорят о его планах на будущее, вызывают особый интерес. Естественно, что любая тема, насколько интересна бы она не была, имеет свойство заканчиваться, и исследователь, подталкиваемый духом изыскания, строит новые планы, ищет новые пути для самореализации. В последнем письме, которое датируется 20 декабря 1977 г., Ж. Дюмезиль делится с В. И. Абаевым своими планами: «Дела у нас идут достаточно хорошо. В данный момент я работаю над новой серией «Римских вопросов». При раскопках, которые итальянские археологи проводят вот уже десять лет, обнаружена фигурка римского (военного) происхождения: место было непрерывно занято с середины второго тысячелетия. Обнаружено более пятидесяти статуй Лавиниума (имеется в виду древний город в Лации. По преданию, он был построен Энеем или Латинумом, эпонимом латинян. Получил своё название в честь Лавинии, дочери Латина. – А. Ч.), из которых некоторые относятся к 4-ому веку или даже более раннему периоду, это открытие возможно обновит наши представления по Римской метрополии (главный город). Но у меня нет впечатления, что ничего важного не доработано в индоевропейских элементах этих материалов».

Эпилог. Любое письмо, каким бы длинным или коротким оно не было, всегда венчает подпись. Подпись может быть сухой, шаблонной. Может быть витиеватой и излишне любезной. Но иногда правильно подобранное слово может осветить в нужном ракурсе весь спектр чувств, эмоций, всю гамму отношений, что испытывает корреспондент к своему визави. Подписи в этой переписке стоят отдельного внимания. Они служат прекрасной иллюстрацией взаимодействия этих двух поистине великих людей, и эти подписи не нуждаются ни в каких дополнительных комментариях. Практически все письма, имеющиеся в наличии, подписаны следующим образом: «С чувством глубокой благодарности и преданности»... «...выражаю Вам свою благодарность и свою большую симпатию»... «Верьте в мои чувства привязанности и восхищения»... «Прошу Вас принять, мой дорогой коллега, мои чувства признательности и преданности, я также выражаю Вам свое личное восхищение вашим трудом, уже имеющим такой существенный характер»... «Спасибо от всего сердца за Вашу

бесценную благосклонность, мой дорогой коллега»... «Мои наилучшие пожелания здоровья и успехов в работе (мы с нетерпением ждем второй том этимологического словаря), вновь подтверждаю Вам свою благодарность и свою большую симпатию»... «Верьте в мои чувства привязанности и восхищения»... «Господину Абаеву, Вам, мой дорогой друг, выражаем наше глубокое чувство благодарности...»... «С надеждой увидеть Вас в скором времени, что принесет мне большую радость – от всего сердца выражаю Вам чувство глубокой симпатии»...»

И, наконец, последнее письмо, датированное 20 декабря 1977 г., завершается словами: «*En toute sympathie.*», С чувством глубокой симпатии. Моя жена присоединяется к моим пожеланиям. Мы искренне Вам желаем, меся Абаев, всего самого наилучшего в новом 1978 году. И для нас самих, и для всего научного мира мы желаем, чтобы этот год стал годом Словаря Ш. Жорж Дюмезиль».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. АБАЕВ В. И. Избранные труды. Владикавказ: ИР, 1990. С. 369.
2. Записка начальника войск в Абхазии, ген.-м. Лорис-Меликова, относительно свободной торговли в Абхазии и далее по восточному берегу Черного моря, от 3-го октября 1858 года. Документы и материалы по истории Джигетии (1750–1868 гг.). Сборник документальных материалов / Под ред. А. А. Черкасова. ООО Научно-издательский дом «Исследователь». Сочи, 2016. С. 127.
3. САЛБИЕВ Т. К. Триптих. Лето, Осень, Весна. Владикавказ, 2016. С. 50.